Программа либеральных рыночных реформ

Глава 3

Есть существенная разница между умозрительными аналитическими (а то и сугубо политическими) построениями, направленными либо на идеологическое просвещение населения, либо на решение определенной политической задачи, и программой, предназначенной для реализации в ходе осуществления практической экономической политики, и действительно реализовавшейся (хотя, безусловно, и не в первоначальном виде).

Так, программа “500 дней”, о которой упоминалось в главе 2, представляла собой набор действительно необходимых и полезных преобразований, построенный, однако, вне какой бы то ни было связи с реальными финансовыми, технологическими, социальными и иными ограничениями на осуществление этих преобразований. Кто будет проводить преобразования, каков будет соответствующий правовой и исполнительский механизм, есть ли необходимые финансовые ресурсы, встретят ли эти преобразования серьезное сопротивление и, если да, то что в этом случае делать - на все эти вопросы не только не давался ответ, но и сами вопросы даже не ставились.

Программа же экономических реформ, разработанная в Институте экономической политики под руководством Е. Гайдара при участии ряда будущих членов Правительства реформ[69], была предельно конкретна и технологична и отвечала не только на вопросы *что*? и *зачем*?, но и *как*? и *сколько это будет стоить?* Поэтому даже по форме она была принципиально иной: не гладким единым текстом, как бы предназначенным для издания книжечкой и вдумчивого неторопливого чтения, а набором отдельных документов (важнейшим из которых был

[69] В дальнейшем изложении мы условно будем называть ее Программа-91.

концептуальный материал “Стратегия России в переходный период”), законопроектов, инструкций, расчетов и пояснительных записок к ним. Относительно же ее содержательных сторон и тогда, и сейчас ведется острая полемика.

3.1 Спектр разногласий

Новейшая экономическая история не может не вторгаться в экономическую политику, интерпретируя ее подчас в соответствии с политической ангажированностью. Естественно поэтому, что современная, особенно российская, экономическая и политическая литература изобилует предположениями о том, так ли были необходимы начавшиеся в конце 1991 года рыночные реформы российской экономики, тот ли набор мер они включали, в правильной ли последовательности проводились. Существующие на этот счет точки зрения можно сгруппировать в несколько основных категорий.

Во-первых, те, которые вообще отрицают необходимость радикального рыночного преобразования российской экономики и исходят из необходимости сохранения основ прежней хозяйственной системы при некоторой ее модернизации и придании ей дополнительного динамизма. Такой подход утверждается к книгах российских политиков левого направления - Г. Зюганова, Н. Рыжкова, Е. Лигачева и др., в статьях экономистов социалистической ориентации А. Бузгалина, А. Колганова и др. Они утверждают, что вообще весь комплекс реформистских идей был ошибочен и неприменим в российских условиях. Приватизация, либерализация внешней и внутренней торговли, борьба за финансовую стабилизацию, конвертируемость национальной валюты - это, по их мнению, меры, разрушительные для национальной промышленности и ухудшающие социальную ситуацию. Вместо них надо было сосредоточить усилия на так называемом наведении порядка в экономике по образцу пресловутых андроповских реформ 1982 - 1983 годов с госприемкой, жестким контролем качества продукции, повышением ответственности директората за работу предприятий, борьбой с нетрудовыми доходами и т. п.

Вторую группу составляют экономисты и политики, объявляющие, что рыночные реформы были в принципе необходимы, но не такие резкие, не такие радикальные, с гораздо более высокой степенью государ-

ственного участия в экономике и государственной собственности, протекционистской защитой отечественных производителей. В целом они вписываются в концепцию “особого российского пути” в экономической модернизации. Такого рода воззрения пропагандируются в работах экономистов Л. Абалкина, С. Шаталина, Д. Львова, О. Богомолова, Ю.Яременко, Н. Шмелева, а также высказываются политиками так называемого государственнического толка С. Глазьевым, Ю. Скоковым, А. Вольским, С.Федоровым, Ю. Лужковым и др. По их мнению, не нужно было проводить массовую приватизацию, либерализацию внешней торговли и валютного обращения, либерализацию цен, а сделать акцент на создании мощных финансово-промышленных групп и государственной селективной поддержке промышленности, обеспечению дополнительного, прежде всего государственного, спроса на продукцию российских товаропроизводителей.

Так, с точки зрения Л. Абалкина[70] денежный навес, существенный дисбаланс между денежным и товарным предложением не был существенной проблемой. По его же утверждению, переход к рыночной экономике должен занять несколько десятилетий[71]. Для Ю. Яременко либерализация цен на энергоносители является инструментом гиперинфляции[72] Поэтому необходимо сохранять двухуровневый характер экономики, в которой многие цены были бы под административным контролем. А. Руцкой связывает самые глубокие опасения с либерализацией цен и развитием торгово-посреднических и финансовых структур[73]. Он также поддерживает идею замедления рыночных преобразований, смягчения их.

---

[70] Абалкин Л.И. Экономическая реформа: результаты и перспективы. Экономическая газета, N 21, 1992 г.

[71] Его же. Размышления о стратегии и тактике экономических реформ. Вопросы экономики. N 2, 1993 г.

[72] Яременко Ю.В. Нужно ли отпускать цены на топливо? Независимая газета. 1.04.1992.

[73] А. Руцкой. Есть ли выход из кризиса? Правда, 8.02.1992.

Для всех экономистов и политиков этой группы характерно, как верно подмечает А. Ослунд[74], полное игнорирование макроэкономических проблем как проблем политико-экономических, проблем сущности системной трансформации экономики и общества в России. Добавим, что не менее характерно для этой группы авторов и стремление к снижению темпов преобразований, градуализму экономической политики[75].

Наконец, в особую третью группу можно выделить тех политиков и экономистов, которые хотя и имеют устойчивую репутацию истинных реформаторов, пропагандируют разного рода реформаторские проекты, но к реальной реформе предъявляют жесткие претензии: она, по их мнению, развивалась неправильно, не в соответствии с теорией, неверен был выбор последовательности действий - сначала необходимо было осуществить приватизацию, демонополизацию, формирование рыночных структур, а лишь затем - меры по финансовой стабилизации и либерализации экономики, причем опасность экстремально высокой инфляции оценивалась как незначительная. Это прежде всего Г. Явлинский и его сторонники Н. Петраков, А. Мельников, А. Михайлов и др.

Так, Н. Петраков считает, что осуществленная в начале 1992 года либерализация цен привела к потере контроля за экономическими процессами[76]. Он настаивает, что переход к рыночной экономике невозможен без сильного государственного регулирования и государственных программ создания рыночных инфраструктур. Г. Явлинский делал акцент на то, что ориентация на ликвидацию бюджетного дефицита и финансовую стабилизацию усиливает производственный спад[77].

---

[74] A. Aslund, How Russia Became a Market Economy, The Brookings Institution, W. 1995.

[75] А. Улюкаев. О советах посторонних // Независимая газета, 27.03.1992.

[76] Петраков Н.Я. Кризис экономической реформы в России. // Вопросы экономики, № 2, 1993.

[77] Г.Явлинский. Правительство утратило контроль над экономическими процессами // Московские новости, № 21, 1992

С течением времени, сталкиваясь с неумолимой логикой фактов, критики заметно смягчали свои позиции, тем не менее набор их претензий к реальным реформам оставался все тем же. Так, в обобщающей и носящей программный характер книге “Реформы для большинства” Г. Явлинский снова повторяет свои утверждения, что в ходе преобразований вовсе и не надо было ставить цели снижения инфляции ниже уровня 10 - 15 процентов в месяц, а следовало сосредоточиться на приватизации и создании рыночных инфраструктур, оставив решение стабилизационных задач до лучших времен.

3.2 Дискуссии о методах осуществления финансовой стабилизации

Начиная с 1992 года, экономисты и политики выдвигали самые разные концепции, касающиеся способов макроэкономической стабилизации в России. Следует указать, что программа-91 во многом предвосхитила теоретические положения и практические рекомендации, которые выдвигались учеными разных направлений на протяжении последующих лет реформы, с учетом реального накопленного опыта реформы, ее успехов и неудач. Кроме того, взгляды участников со временем менялись. Например, Г. Явлинский корректировал свою теорию о том, что существует «естественный” уровень инфляции в России, равный примерно 10%-12% в месяц, и поэтому бюджетный дефицит и другие источники эмиссии денег должны формироваться в расчете на этот уровень: по мере уменьшения темпов роста цен в 1995 - 1996 году Г. Явлинский (в частности, в своих предвыборных выступлениях, будучи уже кандидатом в Президенты России) постепенно снижал оценку «естественного» уровня инфляции.

Ряд известных экономистов, в том числе зарубежных, выступал с похожими концепциями, однако, более серьезно аргументированными. Так, Р. Дорнбуш, разуверившись в наличии достаточной политической воли у российского руководства для проведения стабилизационной политики, выступил в своем интервью[78] за введение индексации основных экономических параметров в соответствии с темпами инфляции.

[78] См. Дорнбуш Р. Я инвестировал в Россию, чтобы иметь кусок ее будущего успеха (интервью) // Коммерсант № 48 (110). 20 декабря 1994.

Эту точку зрения он обосновывал необходимостью снижения неопределенности условий хозяйственной деятельности для экономических агентов, что позволило бы увеличить стимулы для осуществления сбережений и инвестиций.

Разумеется, длительная высокая инфляция отрицательно влияет на экономическое развитие и нет надобности повторять очевидные доводы о невозможности эффективного управления предприятиями в условиях неопределенной динамики основных ценностных параметров: относительных цен товаров и услуг, процентной ставки, обменного курса. Общеизвестен также в целом позитивный опыт Бразилии, внедрившей тотальную индексацию в экономике[79] в целях стабилизации относительных цен. Однако совершенно ясно, что тотальная индексация сама по себе является фактором, существенно осложняющим финансовую стабилизацию, т.к. рост доходов в соответствии с ростом цен непосредственно раскручивает инфляционную спираль. Поэтому меры, подобные внедрению полной индексации, распространяющейся на все финансовые отношения, являются вынужденными и оправданы лишь в ситуации, когда в силу каких-либо причин (преимущественно политических) осуществление финансовой стабилизации является невозможным.

Ряд рекомендаций по макроэкономической политике стабилизации основывается на немонетарной концепции инфляции в России. Эта точка

---

[79]См., в частности: Dornbusch R., Edwards S. (eds). The Macroeconomics of Populism in Latin America. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1991; Amŕrique Latine: Vers des Sorties de Crise Neo-Liberales // Problčmes économiques N2.169, 1990; Himelfarb C. Libéralisme et Hyper-Inflation en Argentine. Institut d'Etudes Politiques de Grenoble, 1994; Cahiers des Ameriques Latines N14. Paris: 1992; Phelps E. Inflation in the Theory of Public Finance // The Swedish Journal of Economics, Vol. 75, 1973; .Fischer S., Blanschard O. Lectures on Macroeconomics // The MIT Press, 1990; Dérčglements Monétaires et course aux Innovations Financiers en Amérique Latine // Problčmes économiques N2.200, 1990; Salama P., Valier J. Les Chemins Escarpes de la Hausse des Prix en Amérique Latine // Revue Tiers Monde, N129, 1992; Salama P., Valier J. Politiques Libérales et Fin des Processus Hyperinflationnistes en Amérique Latine // Problčmes d'Amérique Latine, la documentation française N5, 1992; Salama P., Valier J. The difficult Road of Rising and Falling Inflation in Latin America // Canadian Jornal of Development Studies N2, Canada: 1993.

зрения представлена во многих работах российских экономистов[80] и ряда зарубежных ученых[81]. Подробный анализ немонетаристских взглядов на природу инфляции в России не входит в нашу задачу и уже достаточно подробно проведен и представлен в литературе[82].

Среди факторов, предопределяющих динамику инфляционных процессов, отдельные авторы называют не денежную политику, а диспропорции в структуре производства, иммобильность многих видов производственных ресурсов, высокий уровень монополизма в российской экономике, процесс выравнивания относительных уровней цен после их либерализации и приближение их к мировому уровню и структуре,

---

[80] См., например, Волконский В., Гуревич Е., Канторович Г. Эволюция цен в России : причины инфляции в экономике переходного периода// Денежные и финансовые проблемы переходного периода в России: российско-французский диалог. Под ред. Ивантера В., Сапира Ж. М.: Наука, 1995; Маевский В. Один из шансов оздоровления экономики // Финансы, № 1, 1994; Ноздрань Н.Г., Березин И.С. Факторы и этапы развития инфляции издержек в экономике России // Экономика и математические методы, №1. 1994; Пугачев В., Пителин А. Российская инфляция: трактовка, моделирование, методы борьбы // Вопросы экономики, № 11, 1994; Икес Б. Инфляция в России: уроки для реформаторов // Вопросы экономики, № 3, 1995; Афанасьев А., Вите О. Инфляция издержек и финансовая стабилизация // Вопросы экономики, № 3, 1995; Белоусов Д., Клепач А. Монетарные и немонетарные факторы инфляции в российской экономике в 1992 - 1994 // Вопросы экономики № 3, 1995.

[81] В работе (Аглиетта М., Сапир Ж. Инфляция и дефицит в переходный период // Денежные и финансовые проблемы переходного периода в России: российско-французский диалог. Под ред. Ивантера В., Сапира Ж. М.: Наука, 1995) вывод о немонетарном характере российской инфляции делается на основе зависимости между изменениями оптовых цен и совокупной денежной массы. Однако этот вывод представляется крайне дискуссионным, т.к. во-первых, как отмечают сами авторы, статистические характеристики свидетельствуют о ненадежности полученных ими результатов, во-вторых, в России не имеется достоверного индекса оптовых цен, а публикуемые Госкомстатом РФ индексы основаны не на фактических ценах, а на объявленных ценах предприятий-производителей, в-третьих, спорным представляется само рассуждение о том, что существование данной зависимости свидетельствует о наличии инфляции издержек.

[82] См., например, в работе Института экономического анализа “Финансовая стабилизация в России”, 1995; а также в публикациях: Гранвиль Б. Инфляция: высокая цена и никакой отдачи // Вопросы экономики № 3, 1995; Sinelnikov S. Analyse des Processus Inflationnistes en Russie en 1992-93 // Hiperinflation et Stabilisation en Europe de l’Est et en Amérique Latine // Actes du Séminaire International. Paris - 4 et 5 Nov. II, 1993.

процесс поэтапного повышения цен на энергоносители и их либерализации, неадекватность ценовых реакций предприятий рыночным условиям, в частности, ориентацию при установлении цен на динамику собственных издержек, а не на соотношение спроса и предложения, мягкие бюджетные ограничения предприятий, отсутствие какой бы то ни было ответственности предприятий за невыполнение своих обязательств, в т.ч. механизма банкротств, а также преобладание патерналистских стереотипов в менталитете менеджеров предприятий и т.д.

На основе анализа этих и других факторов (чаще качественного, но в редких случаях и статистического) делался вывод о немонетарном характере российской инфляции, о доминирующем характере «инфляции издержек». Разумеется, отмеченные факторы оказывают определенное воздействие на динамику инфляции. Однако в условиях инфляции, превосходящей 20-30% в год, все они являются гораздо менее существенными по сравнению с динамикой денежной массы и изменениями спроса экономических агентов на реальные кассовые остатки. В краткосрочном периоде нерыночные реакции предприятий, а также такие шоки, как либерализация цен на сырье или энергоносители, повышение минимальной заработной платы и др. способны вызвать ускорение роста цен. Но, если такой рост не сопровождается ослаблением денежной политики, то процесс рыночного приспособления быстро приводит к стабилизации общего уровня цен.

Отмеченные “немонетарные” взгляды на характер инфляционных процессов служили для обоснования утверждений о нерациональности жесткой финансовой политики: поскольку инфляция объясняется преимущественно немонетарными факторами, авторы подобных суждений полагают, что следует использовать механизмы денежной эмиссии (увеличение кредитов Центрального банка Правительству и экономике) для повышения агрегированного спроса и стимулирования производства.

Все описанные точки зрения так или иначе приводят к обоснованию невозможности и (или) нецелесообразности стабилизационной политики как таковой. Между тем гораздо более актуальными, но значительно более редкими были дискуссии о возможных вариантах осуществления жесткой финансовой политики. Так, Алексашенко.,

Костюков., Никологорский и др.[83] поднимали важный вопрос о рациональности фиксации обменного курса на этапе стабилизации. Причем эти авторы рассматривали вопрос как с позиций взаимозависимости политики обменного курса и контроля за денежной массой, так и с позиций роста реального курса рубля при введении фиксированного курса или валютного коридора в условиях инфляции. Проведенный авторами анализ показал целесообразность проведения политики предсказуемой динамики курса, отстающей от темпов инфляции. В рамках такой политики обменный курс служит номинальным якорем, сдерживающим рост цен, а рост реального курса рубля, хотя и негативно сказывается на производстве, стимулирует структурную перестройку экономики.

В работе Hanke, Jonung, Scbuler[84] в качестве основы стабилизационной политики в России кроме фиксации обменного курса предлагалось жестко увязать динамику предложения денег с изменением внешних резервов денежных властей. Подобное предложение было безусловно привлекательным, так как предполагало использование строгих правил денежной политики, которые могут быть законодательно зафиксированы. Однако в этом случае Центральный банк полностью лишился бы возможности действий по усмотрению, что было абсолютно нереально.

Заметим, что в российской экономической литературе уделялось мало внимания проблеме выбора между ортодоксальной и гетеродоксной моделями стабилизационной политики. Ортодоксальная модель стабилизации, основанная на жестком контроле за денежной массой, на практике осуществлялась в большинстве латиноамериканских стран в 80-х - 90-х годах[85], и дала положительные результаты в Чили, Боливии и Мексике. Гетеродоксная модель, подразумевающая активное прове-

---

[83] Алексашенко С., Костюков Е., Никологорский и др. Управляемый курс: а почему бы и нет?! (возможности и последствия перехода к управляемому курсу рубля). М.: Экспертный Институт РСПП, июнь 1995

[84] Hanke H., Jonung L., Scbuler K. Russian Currency and Finance. London and New York: 1993,

[85] Bruno M., Tella G.di, Dornbush R., Fisher S. (eds) Inflation Stabilization: the Experiences of Israel, Argentina, Brazil, Bolivia and Mexico, Cambridge, Mass: MIT-Press, 1989.

дение политики доходов, направленной на разрыв передаточного механизма в спирали доходы - цены, была успешно осуществлена на практике в Израиле[86]. В России, как мы отмечали, отсутствовал механизм автоматической индексации доходов по индексу потребительских цен. Каждая индексация размера минимальной оплаты труда, к которой привязана величина заработной платы в бюджетной сфере, индексация пенсий, стипендий, пособий и т.д. требовала принятия специального закона. Причем этот закон по Конституции 1993 года вступал в силу только после его подписания Президентом. Таким образом, российские условия не требовали проведения специальной политики ограничения доходов[87].

В статье Rebelo, Vegh[88] проводится сравнительный межстрановой анализ влияния вариантов ортодоксальной стабилизации на реальный курс и процент, занятость, выпуск и т.д. Этот анализ показывает, что проведение стабилизации, основанной на номинальном якоре, то есть фиксации обменного курса, требует выполнения определенных условий. В частности, необходим высокий начальный уровень валютных резервов для отражения возможных спекулятивных атак. Необходима и высокая степень доверия экономических агентов к стабилизационным усилиям Правительства.

---

[86] Kiguel M.A., Liviatan N. The Old and the New in Heterodox Stabilisation Programs. The World Bank. Working Papers, 1989; Kiguel M., Liviatan N. The Business Cycle Associated with Exchange rate Based Stabilization. World Bank Economic Review, 1991, 6.

[87] Механизм подобного процесса стабилизации обсуждается в Bredenkamp H. Conducting Monetary and Credit Policy in Countries of the Former Soviet Union: Some Issues and Options // IMF Working Paper, March 1993. Здесь рассматривается механизм ортодоксальной финансовой стабилизации на основе фиксации обменного курса, либо через таргетирование денежных агрегатов; анализируются вопросы контроля за денежной массой, процентом и резервными отчислениями. В Hilberts P. Monetary Instruments and Their Use During the Transition from a Centrally Planned to a Market Economy // IMF Working Paper, November 1993, проанализированы возможности и эффективность прямых (потолок кредитования, контроль за процентом) и косвенных (операции на открытом рынке, рефинансирование коммерческих банков и установление резервных требований) инструментов денежно-кредитной политики в зависимости от развитости финансовой системы на начальной стадии реформ.

[88] Rebelo S., Vegh C. Real Effects of Exchange Rate-Based Stabilization: an Analysis of Competing Theories. NBER Working Paper No. 5197, Cambridge MA, 1993.

3.3 Социально-экономическое положение накануне реформ

Для оценки правомерности выдвигавшихся взглядов и рекомендаций целесообразно вернуться к анализу фактического состояния дел в российской экономике непосредственно накануне реформ, в конце 1991 года. Достаточно поставить вопрос: можно ли было отложить радикальное переустройство экономических отношений и можно ли было принципиально изменить схему проведения реформы - и многое станет на свои места.

Чтобы ответить на этот вопрос, полезно проанализировать данные о состоянии золото-валютных резервов, продовольственного и иного снабжения, товарных запасов, денежного обращения в стране в то время.

Политико-экономическую ситуацию в стране к концу 1991 года без всяких натяжек можно охарактеризовать как катастрофическую. За один лишь год национальный доход снизился более чем на 11 процентов, валовой внутренний продукт - на 13, промышленное производство - на 2,8, сельскохозяйственное - на 4,5, добыча нефти и угля - на 11, выплавка чугуна - на 17, производство пищевой продукции - более, чем на 10 процентов. Валовой сбор зерна сократился на 24, а его государственные закупки - на 34 процента.

Особенно сильно сократился внешнеторговый оборот - на 37 процентов, причем объем экспорта сократился на 35, а импорта - на 46 процентов.

И все это - на фоне полного отсутствия спросовых ограничений, которые в последующие годы стали главным фактором экономического спада. Более того, накачка денег в экономику продолжалась и даже усиливалась. Немалую негативную роль в этом сыграло противоборство союзных и российских властей, соревновавшихся в принятии все новых дополнительных социальных обязательств, в поощрении бюджетного дефицита, финансировании непродуманных инвестиционных программ.

Существенно выросли все денежные показатели. Прибыль предприятий в номинальном исчислении увеличилась в 1,9 раза, денежные до-

ходы населения - в 2, выпуск денег в обращение - в 4,4 раза. Уровень потребительских цен увеличился более чем в два раза (на 101,2%), что было совершенно не свойственно социалистической экономике - годом раньше рост цен составил всего 5 процентов.

Внешний долг номинированный в конвертируемой валюте, увеличился до 76 млрд долларов, внутренний валютный долг - до 5,6 млрд долларов, задолженность по клиринговым операциям достигла 29 млрд долларов. Золото-валютные резервы резко сократились и впервые за все время существования государства золотой запас составил менее 300 т (289,6 т на 1 января 1992 г.). Недостаток валютных поступлений от централизованного экспорта на оплату централизованного импорта и погашение внешнего долга составил за 10 месяцев 1991 г. (до формирования правительства реформ Ельцина-Гайдара) 10,6 миллиарда долларов. Для покрытия этого дефицита последнее союзное правительство продало часть золотого запаса на 3,4 миллиарда долларов и растратило валютные средства предприятий, организаций, местных органов власти, хранившиеся на счетах Внешэкономбанка СССР на 5,5 миллиарда долларов.

Быстро утрачивался контроль над финансовыми процессами и денежным обращением. Усиливалась долларизация экономики, вытеснение товарно-денежных отношений бартером, росли административные ограничения межрегионального товарообмена.

Республики бывшего СССР приступили к вводу фактических заменителей денег (талонов, карточек покупателей, многоразовых купонов т. п.), а в ряде случаев (Украина, Эстония, Латвия, Литва) и к подготовке к введению полноценных национальных валют. Это увеличивало денежную массу в обращении и выталкивало ее на территорию России, усугубляя здесь сложную финансовую ситуацию.

Дефицит государственного бюджета превысил запланированный на 1991 год в 6 раз и достиг, по нашей оценке, примерно 21 процентов ВВП (как сумма дефицитов союзного бюджета и бюджета Российской Федерации), причем бывшие союзные республики фактически прекратили перечисление средств в союзный бюджет. При этом указанную оценку дефицита консолидированного государственного бюджета в 1991 г. следует считать минимальной. По оценкам же Мирового банка,

которые исходили из расчета источников финансирования бюджетного дефицита (средства на счетах предприятий, сбережения населения, активный баланс внешних текущих счетов) бюджетный дефицит оказывается равным 30,9 % ВВП[89].

В разряд дефицитных перешли практически все виды товаров. Резко ухудшилось соотношение денежных сбережений населения с товарными запасами (в 5 раз по сравнению с 1970 и более, чем в 2 раза по сравнению с 1985 гг.). Товарные запасы в розничной торговле сократились до рекордно низкой величины.

Наиболее наглядным образом описывает предреформенную социально-экономическую ситуацию положение с продовольственным снабжением городского населения (чтобы подчеркнуть социально-политическую важность этого аспекта, напомним, что хлебный кризис февраля 1917 года в Петрограде стал непосредственной причиной свержения самодержавия). В результате полного паралича всех звеньев и систем управления продовольственное снабжение оказалось практически разрушенным. Так, в январе 1992 года ресурсы продовольственного зерна (без импорта) составили около 3 млн т., в то время как продовольственные потребности страны составляли свыше 5 млн т. в месяц. Более чем в 60 из 89 российских регионов запасов продовольственного зерна не было вообще, и выработку муки можно было осуществлять только “с колес”, то есть за счет немедленной переработки поступающего по импорту зерна. По расчетам, минимальный импорт зерна для этого должен был составлять порядка 3 млн т. в месяц. По оценкам Росхлебопродукта, всего для России в первом полугодии 1992 г. должно было поступить 8,65 млн т. зерна. Потребность же составляла 26 млн т. Дефицит составлял 17,35 млн т. в расчете на полугодие, что по стоимости соответствовало более чем 3 миллиардам долларов.

В то же время в ряде случаев корабли с импортным зерном стояли без разгрузки в российских портах, поскольку не было в наличии валюты, чтобы расплатиться за транспортировку, за фрахт судов, кредитные же линии не открывались, поскольку репутация бывшего СССР как пер-

---

[89] См.: Russian Economic Reform. Crossing the Threshold of Structural Change. World Bank, 1992.

воклассного заемщика была за несколько предшествующих лет полностью подорвана.

Повсеместно в городах страны была введена жесткая карточная система. Нормировалась продажа всех основных продовольственных товаров - мясопродукты, животное и растительное масло, крупы, макаронные изделия, сахар, соль, спички, алкогольные напитки, сыр, другие молочные продукты, табачные изделия, кондитерские изделия и пр. В большинстве случаев нормы отпуска товаров к концу 1991 года были примерно такими: сахар - 1 кг на человека в месяц, мясопродуктов (включая субпродукты) - 0,5 кг, масло животное - 0,2 кг. И даже эти нормы не были обеспечены ресурсами, поэтому снабжение по ним не было гарантированным, талоны не отоваривались по нескольку месяцев, реализация товаров по ним проходила с огромными очередями.

3.4 Необходимость ускорения реформ

С учетом этих экономических реальностей представляются мало обоснованными утверждения ряда политиков и экономистов, особенно Г. Явлинского, о необходимости сначала, действуя по правилам, провести приватизацию и демонополизацию, а уже затем приступить к либерализации цен. Такого выбора у России 1991 года не было. Процесс разрушения основных систем поддержания жизнеобеспечения мог стать катастрофичным и трудно обратимым. По этой же причине не было никакой возможности откладывать запуск рыночных механизмов, невозможный без либерализации цен.

В политической сфере также нарастали негативные процессы: послеавгустовская эйфория сменялась разочарованием от отсутствия реальных реформ на фоне ухудшающихся условий жизни. Это относилось и к демократическому движению, которое не знало, что ему делать с августовской победой, не имело серьезных целей и программ, если, конечно, не считать таковыми пропагандистские программы типа “500 дней”. Это относилось и к широким массам населения, явно завышенные послеавгустовские социальные ожидания которых существенно расходились с реальностью. Политическое же руководство страны быстро растрачивало кредит доверия.

Практически прекратившаяся после августа 1991 г. забастовочная и митинговая активность начала снова понемногу проявляться. А главное - становилось очевидно, что если в ближайшее время в экономике не произойдет существенных перемен, эта активность неминуемо вспыхнет с новой силой, и ее формирующийся “августовский” политический режим вряд ли сумел бы выдержать. Для того же, чтобы предупредить эту возможную социальную вспышку привычным для российского руководства того времени популистским методом, уже не было финансовых и материальных ресурсов. И взяться им было не откуда. Эту опасность политическое руководство, в частности, президент Ельцин в тот момент осознало достаточно четко.

Государственный аппарат бездействовал, находясь в постоянном ожидании реорганизаций, сокращений и т. п. Начался “исход” чиновников из союзных министерств и ведомств, переходивших не столько даже в укреплявшиеся в это время российские государственные структуры, сколько в создававшиеся весьма быстрыми темпами коммерческие структуры. На фоне промедления с реформами и явственного ухудшения жизненных условий нарастала спонтанная приватизация. Государственные структуры, министерства и ведомства буквально явочным порядком преобразовывались в различные концерны, корпорации, ассоциации. Ими в массовом порядке фактически расхищалась государственная собственность: чиновники перетаскивали туда не только связи, различные “ноу-хау”, но и собственность, и кредитно-финансовые ресурсы. Право полного хозяйственного ведения дополнялось фактической финансовой безответственностью. Какой бы то ни было государственный контроль оказался по существу невозможным.

Попытки воссоздать союзные структуры в лице Межреспубликанского экономического комитета оказались безрезультатными. Туда не перешли ни кадры, ни ресурсы, ни функции бывших союзных министерств и ведомств. При этом в очевидный тупик зашли переговоры с руководствами других бывших республик СССР о путях возможной трансформации Союза, о согласованных реформах, проведении общей политики хотя бы в наиболее важных областях. Политико-экономические траектории действий правительств бывших союзных республик все больше и больше расходились. Одни из них, прежде всего республики Прибалтики, довольно решительно выбирали путь радикальных социально-

экономических преобразований. Другие пытались либо вовсе избежать радикальных реформ, либо по крайней мере максимально отсрочить и смягчить их.

Положение усугублялось тем, что международное сообщество с трудом понимало существо происходящих перемен, оказалось к ним совершенно не готовым и ожидало катастрофического развития событий. Правительства стран Запада и международные организации в большинстве своем считали, что Горбачев контролирует ситуацию и способен в будущем, как и прежде, возглавить курс реформ, а российское руководство реальной власти и реализуемой программы действий не имеет. Поэтому международное сообщество было не в состоянии оказать эффективное политическое влияние на развитие ситуации в бывшем СССР.

Исходя из всего изложенного, приходится констатировать, что реальный выбор и реальное поле приложения политической воли были отнюдь не в отсрочке начала радикальных преобразований или определении последовательности этапов реформы, не в том, предшествует ли либерализации цен приватизация или наоборот, а совсем в другом: осуществлять ли реформирование российской экономики, сохраняя рудименты союзного государства, интегрированного хозяйства, а значит и рудименты соответствующей им экономической политики (как это, по существу, предлагалось группами Горбачева - Силаева - Явлинского), или осуществлять стратегию скорейшего достижения Россией экономической самостоятельности и независимого проведения экономических реформ (как это предлагалось разработчиками Программы 91).

В пользу первого варианта говорила привычная аппаратная логика любых политических или экономических шагов в том виде, в котором она сложилась за годы функционирования экономики советского типа, боязнь и непонимание масштабности задач, в которых за конкретными проблемами денежного навеса, товарных дефицитов и рассыпающегося бюджета скрывалась логика системной трансформации. В пользу второго варианта - анализ имеющегося мирового опыта, просчет альтернатив развития российской экономики в случае выбора того или иного базисного сценария, общая политическая логика момента, единство тактических и стратегических задач.

Как известно, в конечном счете был принят и в определенной части реализован вариант Программы-91.

3.5 Продвижение России к экономической самостоятельности

Возможность и необходимость осуществления именно этой программы (из многих имевшихся к тому времени) определило принципиально новое понимание закономерностей социально-экономического развития на постсоветском пространстве, сделавшее неизбежным самостоятельное проведение Россией экономических реформ вне увязки с позициями иных союзных республик. Зато в самой тесной увязке с политическими и институциональными реформами, означающими закрепление национально-государственного положения и статуса России и утверждение институтов капиталистического общественно-экономического строя.

В политическом смысле самым важным было то, что после августа 1991 года коренным образом изменилась ситуация в отношениях России с другими республиками бывшего СССР и союзным Центром. Вопреки существующей политической мифологии, придающей чрезмерное значение формальным политико-правовым актам, *Советский Союз реально развалился 19-21 августа 1991 года и с этого времени существовал лишь номинально, а на самом деле не действовал ни как государственная машина, ни как орган проведения экономической и какой угодно другой политики.* Вопрос был не в том, хороши или плохи принципы, на которых он был построен, а что делать в ситуации, в которой эти принципы не действуют. Республики по собственному усмотрению объявляли находящееся на их территории федеральное имущество своим, отказывались выполнять любые свои экономические обязательства перед Союзом. Фактически начался массовый неуправляемый процесс расхищения не только собственности, но и прав, обязательств, регламентов, управленческих процедур и т. п.

Реальностью оказалась ситуация, в которой Союза как политической и экономической реальности уже фактически не было, а спекуляций по поводу его сохранения было в избытке. Поэтому нужно было в кратчайшие сроки и в труднейших условиях найти способ выживания, а

затем и развития страны, общества, народа в условиях скоропостижной смерти одного государства и явно эмбрионального состояния государства, идущего ему на смену.

Надо учесть, что до августа 1991 г. существовал некий промежуточный “союз” - союз республиканских коммунистических элит, которые боролись против Союзного центра, за собственные привилегии и бесконтрольное управление “своими” народами. Поэтому руководство России в противоборстве с тоталитарным Центром и в подготовке к реформам могло опираться на поддержку ряда лидеров союзных республик. Однако после августа, после фактического распада союзного государства фиктивность такой альтернативы стала очевидной: на передний план вышли объективные противоречия интересов России и других республик. Эти противоречия были связаны с разницей масштабов экономик, ресурсного потенциала, а также понимания перспектив исторического развития и, наконец, политического веса в глазах международного сообщества.

Для остальных бывших союзных республик сохранение сложившихся ресурсопотоков и финансово-экономических отношений (при том, что продолжалось обсуждение вопросов о едином экономическом пространстве и ценностях хозяйственной интеграции) в принципе открывало бы возможность реконструировать свои экономики за счет России. Для России же это означало серьезную дополнительную нагрузку на экономику, подрывающую возможности ее социально-экономического возрождения.

Россия не имела серьезных препятствий к установлению прямых связей с международным сообществом, в том числе международными политическими и финансово-экономическими организациями, к признанию ее полноправным субъектом международного права. Она была естественным правопреемником СССР в сфере международно-правовых отношений. Для других бывших союзных республик (кроме Прибалтики) это была серьезная проблема, им важно было форсированно обрести формальные атрибуты независимости, уйдя от сопутствующего решения комплекса сложных межреспубликанских проблем.

Упрощенно говоря, интересам других республик соответствовала схема “экономический союз при немедленной политической независимости”, по сути означавшая обобществление российских финансово-экономических ресурсов при приватизации союзного политико-правового наследства. Интересам России соответствовала схема “скорейшее достижение экономической независимости при сохранении на переходный период политического союза”.

По нашему мнению, принятие позиции экономический союз при немедленной политической независимости объективно толкало бы к обострению экономических и социально-политических конфликтов (раздел бюджетного пирога, поиск ответственных за недофинансирование той или иной сферы, латентный протекционизм, воспроизводство хозяйственного двоевластия союзных и республиканских органов), к постоянным колебаниям финансово-кредитной политики, формирующейся в ходе межреспубликанских компромиссов, углублению инфляционного кризиса и т. п., а поэтому и к хронической политической нестабильности, социальной напряженности, свертыванию демократии на территории бывшего СССР.

С точки зрения межреспубликанских отношений форсированное обретение независимости при неурегулированности взаимных претензий ведет к созданию крупных зон политической напряженности, использованию русского национального меньшинства в республиках как фактора политических конфликтов и политико-экономического шантажа России, стимулирует сепаратизм в российских автономиях,

В военно-политической области это означало бы образование новых ядерных государств с неустоявшимися межгосударственными отношениями и границами, появление на рубежах России новых крупных наступательных потенциалов, вступление России в международное сообщество не в качестве великой державы - правопреемника бывшего Советского Союза, а в качестве нового, молодого субъекта международного права со всеми вытекающими отсюда проблемами.

В этой ситуации единственно ответственной политической позицией явилось немедленное начало реализации стратегии обретения Россией полноценной экономической независимости, самостоятельное прове-

дение реформ, к которым могут присоединиться (а точнее, не могут не присоединиться) другие республики.

Сама политико-экономическая логика данного этапа исторического развития делала Россию лидером реформирования хозяйства на территории бывшего СССР. Россия владеет подавляющей частью экспортного потенциала бывшего СССР, а значит лишь она может взять на себя ответственность по обязательствам по внешнему долгу, что позволяло ей соответственно претендовать на золото-валютные авуары, собственность за границей и долги иностранных государств Советскому Союзу. Россия становилась естественным ведущим партнером западных государств и международных финансовых организаций. Россия обладает весьма емким внутренним рынком, потенциалом экспортных базовых ресурсов, легко переориентируемых на развитые страны. Это привязывает к ней внешнеэкономическую политику остальных республик, по большей части не имеющих такой возможности. Наконец, Россия контролирует основные компоненты межреспубликанской производственной инфраструктуры, обладая материальной и кадровой базой управления транспортной, коммуникационной и энергетической системами.

Исходя из этого, реалистичным представляется курс на отказ от долгосрочных всеобъемлющих экономических союзов, от создания постоянно действующих надреспубликанских органов общеэкономического управления. На уровне политико-экономической конкретики это означало четкое ограничение полномочий и сроков действия созданного к тому времени Комитета по оперативному управлению народным хозяйством (председатель - И. Силаев, заместители председателя - Г. Явлинский, Ю. Лужков, А. Вольский), исключение его попыток проводить самостоятельную экономическую политику.

С этим связано и отстаивание идеи об обязательном признании всей государственной собственности на территории России российской собственностью, а также о необходимости российского государственного контроля над всей инфраструктурой эмиссионного хозяйства и банковских расчетов в рублевой зоне до тех пор, пока она сохраняется. Альтернативой этому могло быть лишь создание механизмов проведения эффективной и жесткой денежной политики (и в этом - и только в этом - случае - сохранение единства денежной и банковской систем на тер-

ритории бывшего СССР). Как показала, однако, политическая практика последующих лет, создание таких механизмов оказалось делом практически нереализуемым даже для гораздо более простого случая - попытки создания денежного союза двух государств (Россия и Белоруссия).

Подтвердился и прогноз разработчиков программы российских экономических реформ о формировании в первые годы реформ значительного отрицательного сальдо платежного баланса республик в расчетах с Россией, делающего позиции России в финансово-экономических переговорах и взаимодействиях с республиками заведомо более сильной.

В бюджетной и налоговой политике Программа-91 предлагала курс на консолидацию российского и союзного бюджетов при финансировании и контроле армии и внешнеполитической деятельности и соответствующих учреждений, осуществляемом Россией. В области ценообразования была зафиксирована необходимость постепенного переходного режима к системе межреспубликанских расчетов по мировым ценам.

И с точки зрения ретроспективной, и с точки зрения перспективной важно вычленить содержательные различия названных выше двух основных концепций реформирования экономики, доставшейся в наследство от социализма: концепции Гайдара и Явлинского.

Явлинский по существу предлагал сохранение крупномасштабного перераспределения финансовых и материальных ресурсов из России в другие республики при постоянных колебаниях денежно-финансовой политики в ходе межреспубликанских согласований и нерегулируемых возможностях экспансии денежной массы из остальных республик в Россию.

Гайдар же предлагал ограничить перераспределение ресурсов из России исключительно прямым финансированием армии, МИДа и других важнейших союзных структур, ввести российский контроль за денежным обращением при переходе к конвертируемости рубля, выдвигалось требование его поддержки, как российской национальной валюты.

Курс, предлагаемый Явлинским, по существу, означал сдерживание экономической реформы в России вследствие ориентации на совмест-

ное ее осуществление в республиках-членах экономического союза, что делало ее явно неадекватной драматизму сложившейся политико-экономической ситуации.

Курс Гайдара означал, напротив, ориентацию на максимально быстрое осуществление экономической реформы в России, не сдерживаемое возможными реакциями других республик, позволял срочно запустить рыночные механизмы обеспечения жизнедеятельности общества и, следовательно, обеспечить некатастрофический сценарий системной трансформации в России.

3.6 Сущность социально-экономических преобразований переходного периода в России

Можно выделить еще несколько моментов, отличавших Программу-91 не только от программы Явлинского, но и от других довольно известных в ту пору и конкурировавших с ней программ Сабурова, Шаталина, Абалкина и др.

Во-первых, Программа-91 исходила из полного отрицания возможностей “особого пути” развития российской экономики и, подобно большинству опробованных в мировой практике стабилизационных программ, сосредоточивалась прежде всего на вопросах реформирования и оздоровления денежного сектора.

Во-вторых, Программа-91 была не только программой экономических реформ, но и (может быть, в первую очередь) программой формирования национальной государственности в России (прежде всего суверенности российского хозяйственного законодательства, национальной денежной программы, национальной валютной системы, собственной налоговой, бюджетной и внешнеэкономической политики, государственной собственности и инструментов государственного регулирования экономики).

По существу, философия и идеология преобразований задается в двух документах из указанного выше программного пакета - “Стратегия России в переходный период” и “Ближайшие экономические перспективы России”. Все остальные документы - а их несколько десятков - это скорее технологические карты, определяю-

щие, что нужно делать и какие нормативные акты для этого потребуются.

В целом программный документ “Стратегия России в переходный период” определил принципиальный курс на экономическую независимость при “мягком” политическом союзе, который был принят президентом Ельциным и затем реализовывался на практике правительствами Гайдара и Черномырдина. Сутью его было не только проведение жизненно необходимых экономических реформ на основе маркетизации, либерализации, приватизации и финансовой стабилизации, но и создание российского национального государства со всеми его необходимыми атрибутами, прежде всего устойчивой и конвертируемой национальной валютой, налоговой системой, бюджетом, пограничными и таможенными службами, эффективной денежной системой, национальным банком.

Второй из важнейших документов, разработанных группой Гайдара, “Ближайшие экономические перспективы России”, определял философию стабилизационной и реформистской политики в условиях формирования институтов национальной государственности в России. Впервые в нем был сделан вывод, который затем неоднократно варьировался в последующих программных документах российских реформ, о том, что экономическую политику ближайшей перспективы определяет не идеальный замысел реформаторов, а сочетание трех кризисов, оставленных России в наследство рухнувшей экономикой Советского Союза:

- *инфляционного кризиса* (крупные макроэкономические диспропорции проявляются в ускоряющейся открытой инфляции и остром дефиците на всех товарных рынках),
- *платежного кризиса* (острый дефицит золотовалютных ресурсов и подрыв кредитоспособности страны ведут к вынужденному резкому падению импорта) и, наконец,
- *системного кризиса* (утрата органами государственной власти на всех уровнях способности регулировать ресурсопотоки).

Не повторение стандартных стабилизационных программ, а эти российские политико-экономические реалии заставили группу

Гайдара определить финансово-денежную сферу как первичное звено стабилизационных и реформаторских усилий.

Дело в том, что в отличие от приватизации, демонополизации, формирования рыночных структур финансовая стабилизация может быть достижима даже в краткосрочной перспективе, для чего нужны лишь политическая воля властей и профессионализм исполнителей (практика последующих лет показала, что как раз политической воли реформаторской власти часто бывало недостаточно для преодоления политической воли ее оппонентов в условиях фактического двоевластия, вследствие чего макроэкономическая стабилизация оказалась отложенной, затянулась на целых четыре года - впрочем, это тема последующих глав книги).

Без достижения финансовой стабилизации невозможно в условиях паралича нерыночных механизмов организации ресурсопотоков сформировать соответствующие рыночные механизмы и таким образом избежать более чем реальной угрозы жизнеобеспечению населения, как невозможно и переключение предпринимательской активности из спекулятивной в производственную сферу, привлечение в нее как отечественных, так и зарубежных инвестиций.

Программа реформ в ее первоначальном варианте связывала успех макроэкономической стабилизации с одновременным введением российской национальной валюты. Имелось в виду на первом этапе осуществить не либерализацию в полном смысле этого слова, а упорядочение, реструктуризацию и существенное повышение общего уровня цен (примерно как это сделало последнее коммунистическое правительство Раковского в Польше). При этом в течение некоторого времени, ориентировочно полгода, должна была сохраняться ситуация подавленно-открытой инфляции. А уже затем предполагалось осуществить полномасштабную либерализацию цен с одновременным включением мощного механизма макроэкономической стабилизации, основным элементом которого и стало бы введение российской национальной валюты, отсекающее внероссийские источники предложения денег.

Однако уже в конце ноября 1991 года от этой идеи пришлось отказаться, поскольку практика работы в правительстве, открывшаяся

дополнительная информация о реальном социально-экономическом положении страны показали, что еще полгода ситуации подавленно-открытой инфляции, быстрого роста цен и сохранения товарных дефицитов страна просто не выдержит, и кредит доверия правительству к моменту “настоящих” реформ, “настоящей либерализации” окажется исчерпанным. Поэтому пришлось пойти на вариант немедленной либерализации цен, хотя и с риском дестабилизирующего давления рублевой денежной массы из бывших союзных республик.

Это было проявлением политического реализма, так как на практике разделение денежных систем потребовало более значительного времени, чем предполагалось первоначально, эта работа осуществлялась со значительными трудностями и в несколько этапов. Во многом это было связано с мощным лоббизмом в пользу сохранения рублевой зоны, который осуществляли промышленники России и других республик бывшего СССР, правительства этих республик, широкий спектр российских политических сил от Руцкого до Явлинского. К сожалению, в числе адвокатов рублевой зоны на начальном этапе оказались и такие авторитетные организации как Международный валютный фонд и Комиссия европейского сообщества.

В этих условиях быстрое введение новой валюты оказалось невозможным. Не только по указанным политическим причинам, но и по причинам технологическим - требовалось значительное время для разделения счетов банков бывших союзных республик. Соответственно, пришлось расстаться с надеждой сократить за счет отсечения денежной массы, генерируемой в других республиках бывшего СССР, денежный навес и денежные потоки. Это крайне затруднило достижение финансовой стабилизации. Первый реальный шаг к ликвидации рублевой зоны и утверждению российской национальной денежной и валютной системы - разделение безналично-денежного оборота посредством введения корреспондентских счетов центральных банков бывших союзных республик в ЦБ России - удалось осуществить в июле 1992 года, но остальные меры вводились еще долго. Только в апреле 1993 года удалось пре-

кратить практику предоставления странам СНГ так называемых технических кредитов для торговли с Россией.

3.7 Сокращение бюджетного дефицита

Необходимым условием установления макроэкономической стабильности было резкое сокращение бюджетного дефицита. Для этого предусматривалось значительное сокращение бюджетных расходов, прежде всего, за счет урезания военных расходов, трансфертов в бывшие союзные республики, ценовых субсидий, дотаций предприятиям. Необходимо было также сформировать адекватные условиям инфляционного денежного хозяйства источники бюджетных доходов. Имелось в виду прежде всего изменение косвенного налогообложения - введение вместо налога с оборота и налога с продаж нового налога на добавленную стоимость и системы акцизов, а также введение налога на экспорт энергоносителей при отмене системы его лицензирования и квотирования.

Итак, резкому сокращению были подвергнуты государственные расходы. В частности, ассигнования на закупку вооружений сокращались в 7,5 раза, централизованные капиталовложения - в 1,5 раза, ценовые дотации - почти в 3 раза, практически полностью прекращалось безвозмездное финансирование иностранных государств (за исключением стран СНГ).

Реконструкция налоговой системы и введение налога на добавленную стоимость позволяли и в высокоинфляционных условиях собирать налоги, не допуская сокращения доходной части бюджета. Таким образом, бюджетный дефицит в целом должен был сократиться не менее чем в три раза. На практике он сократился в первый период даже больше, а бюджет первого квартала и вовсе стал бездефицитным, но через некоторое время дефицит стал опять нарастать в результате давления отраслевых и региональных лоббистов.

Если налог на добавленную стоимость как меру, непосредственно не затрагивающую существенных корпоративных интересов, на практике ввести удалось так и тогда, как и когда ее задумывали реформаторы, то с другими предложениями было сложнее. Отмену

ценовых субсидий удалось провести лишь поэтапно, за три года, из-за мощного сопротивления, особенно на местах. Сокращение дотаций предприятиям также весьма затянулось во времени. Правительство несколько раз декларировало отмену лицензий и квот, но до 1996 года так в полном объеме и не провело эти меры в жизнь.

Технически эти задачи решались с применением нескольких основных инструментов. Во-первых, это была консолидация союзного и российского бюджетов, поскольку в условиях единой рублевой зоны формальное распределение бюджетных дефицитов между бюджетами России и Союза на масштабы инфляции не влияло.

Во-вторых, это ценовая либерализация, увязанная с перестройкой системы бюджетных социальных компенсаций, свертыванием безадресных программ и перераспределением финансовых ресурсов в пользу наиболее нуждающихся, а также со снятием бюрократических барьеров на пути рыночного ценообразования. Ценовой контроль сохранялся лишь для 10 - 12 наименований товаров, обеспечивающих минимальный прожиточный минимум.

В-третьих, это введение внутренней конвертируемости рубля, легализация и развитие валютного рынка.

В-четвертых, изменение банковской политики, включая отмену автоматического кредитования коммерческих банков Центробанком, унификацию резервных требований, существенное повышение ставки процента по кредитам Центрального банка.

Начать реформы было невозможно без существенных изменений в законодательстве. Корректировке подвергались несколько десятков законодательных актов, несколько законов было предложено принять заново.

Наиболее революционную роль из предложенных нормативных актов сыграл президентский Указ о либерализации цен и реорганизации торговли. Он, во-первых, разрешал предприятиям самостоятельно устанавливать цены на производимую ими продукцию, во-вторых, отменял фондовое распределение производственных ресурсов, предоставляя предприятиям право самостоятельного

сбыта и покупки продукции, в-третьих, разрешал предприятиям торговли применение договорных цен на все виды товаров и услуг, в-четвертых, закладывал основы коммерциализации государственных органов материально-технического снабжения, в-пятых, вводил контроль за ценообразованием предприятий-монополистов, в-шестых, закладывал основы демонополизации оптовой и розничной торговли, в-седьмых, отменял запреты на деятельность негосударственных торгово-закупочных предприятий.

То есть все то, о чем годами дискутировали экономисты и политики в период перестройки, вводилось одним актом, полностью разрушая основы планово-распределительной хозяйственной системы. После либерализации цен экономика России перестала быть социалистической. Конечно, она далеко еще не была капиталистической, но российский капитализм начал возрождаться после тяжелого и продолжительного перерыва в большой степени именно отсюда.

Конечно, реальный ход реформ отличался от программных положений. Чтобы понять яснее, почему те или иные предполагавшиеся реформистские меры не были осуществлены вовсе или были осуществлены частично или растянуто во времени, необходимо иметь ввиду, что имелись обстоятельства, которые априорно и не могли быть учтены. Оказалось, в частности, что инерционность масштабной экономики на раскручивание инфляционной спирали после либерализации цен влияет мало, а на темпы увеличения масштабов безработицы, наоборот, очень сильно. Выяснилось, что характерный для российской экономики временной лаг между изменениями в денежной политике и соответствующими переменами динамики инфляции постепенно увеличивается с трех - четырех месяцев в 1992 году до 5-6 месяцев в 1995 году.

Огромное влияние оказывала и сезонность экономики, при которой весьма высокие колебания во времени имели, в частности, расходы и доходы бюджета, что объективно крайне осложняло осуществление последовательной денежно-финансовой политики.

Каково бы ни было влияние факторов масштабов экономики и ее сезонности, необходимо отметить, что первоначальная программа

реформ была рассчитана на весьма короткий срок - несколько месяцев - и за этот период были достигнуты серьезные результаты - не столько в смысле выполнения отдельных пунктов программы, сколько в смысле изменения всей экономической и социальной ситуации в стране (устранение угрозы физического голода и холода, паралича транспортных, коммуникационных и энергетических систем, а также распада российского государства, сепаратизма). Речь идет, без преувеличения, о смене исторического пути развития России, об осуществлении системной трансформации в огромной стране. За полгода (с ноября 1991 по май 1992 года) были сформированы политические и экономические предпосылки возобновления и развития капитализма в России.